

The top of the page features a row of stylized green trees with brown trunks. Below the trees, several small figures of people are depicted: a person on the far left, a group of two people, a person pushing a stroller, and another group of two people on the right.

ЖАННА БРАУН

КОМПАС

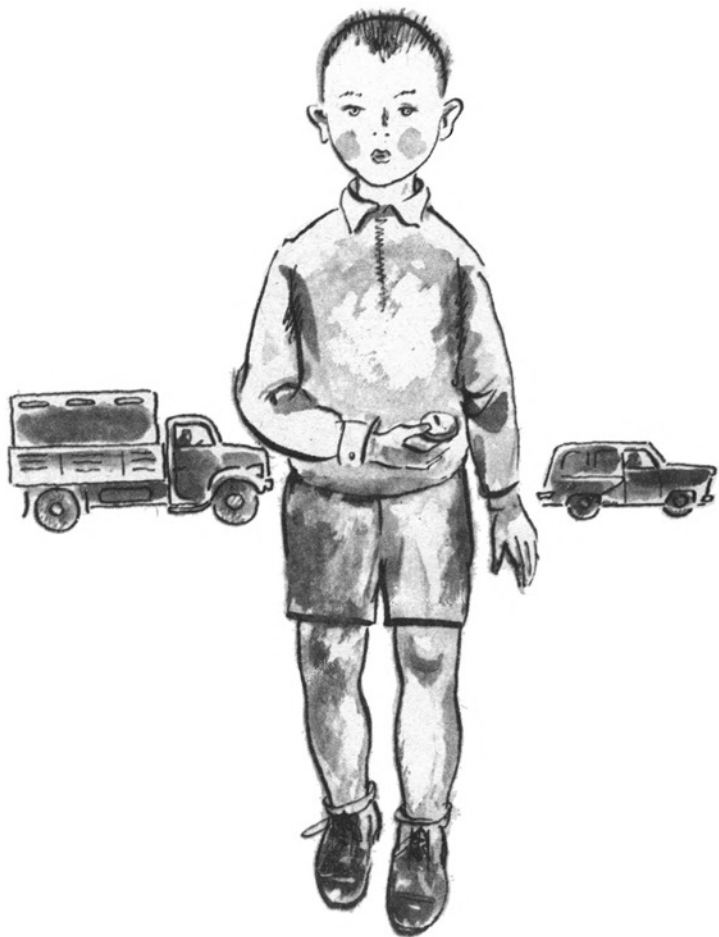
A small red car with a black roof and wheels is positioned in the upper right corner of the page.The left side of the page is populated with various stylized figures of people. From top to bottom, there is a couple, a woman with a child, a person in a yellow coat, a group of three people, a family group, and a couple at the bottom.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Патка 7 к.

ЖАННА БРАУН

КОМПАС

Маленькая повесть

Рисунки Е. Александровой

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД
1965

Алёша получил в подарок от отца компас. Мальчик решил использовать чудодейственные свойства замечательного прибора и отправился на поиски своих друзей.

О том, с кем Алёше удалось встретиться, вы узнаете, прочитав эту книгу.

1. НАХОДКА

В субботу после обеда, когда мама занялась уборкой квартиры, Алёша нашёл в одном из ящиков папиного письменного стола круглую блестящую коробочку со стеклянной крышкой. Беловатое дно коробочки было всё исчерчено по краям разными чёрточками, а в самой середине подрагивала красная острая стрелка.

— Ой, что это? Такие часы?! — закричал Алёша и поднёс коробочку к уху. Но в коробочке было тихо: стрелка не тикала.

— Это? Это компас, — недовольно

сказал папа. Он сидел на диване в одних носках и слушал футбольный репортаж.

— А что такое компас? — спросил Алёша.

— Компас... компас — это, брат, такая хитрая вещь, с которой нигде не заблудишься. Понятно?

— Да, — сказал Алёша. — А у других людей тоже есть такие компасы?

— Кому надо, у того есть, — сказал папа. — Например, у геологов или путешественников. Им без компаса нельзя. Заблудятся. А компас всегда выведет на правильный путь...

— Вот это да! — Алёша с уважением посмотрел на красную стрелку. — И куда хочешь, туда и приведёт?

Но тут вдруг загрохотало, засвистело. Папа побледнел и припал ухом к репродуктору.

— Алёша, не мешай папе, — засмеялась мама, — слышишь? Опять его любимая команда проигрывает.

— Папочка, я не буду тебе мешать, вот честное слово! Можно, я этот компас себе возьму?

— Да, да, — сказал папа с таким видом, словно у него болели все зубы сразу, — делай с ним что хочешь и не мешай мне...

— Спасибо, па! — обрадовался Алёша. — Вот здорово!

Ни у кого из ребят нет такого компаса! Ни у толстой Женьки, ни у Вовки, а у него есть!

— Мама, можно, я пойду погулять?

— Иди, — сказала мама, — только недолго.

Алёша поспешно накинул курточку и, прижимая к груди компас, выбежал во двор.

2. КУДА ВСЕ ПОДЕВАЛИСЬ?

— Ребята! Эге-гей! Идите все сюда, я вам чего покажу! — закричал Алёша ещё с порога. Но никто не отзывался. Во дворе было непривычно тихо и пусто, только

возле ворот на табуретке сидела тётя Лида, дворник, и вязала носки.

— Здравствуйте, тётя Лида, — на всякий случай сказал Алёша; он уже виделся сегодня с тётей Лидой, когда рано утром шёл в школу.

— Здравствуй, — улыбнулась тётя Лида. — А ты почему не поехал? Мама не пустила?

— Куда не пустила? — удивился Алёша.

— Как куда? В парк Победы, вот куда! Пришли из школы большие пионеры с учителем, построили всех первоклашек парами и повезли. Даже кое-кто из родителей с ними поехал. Игры там всякие будут играть, песни петь... аккордеон с собой взяли. А ты где был?

— До... дома, — сказал Алёша.

— До-ома, — тётя Лида покачала головой. — Плохие у тебя товарищи, вот что! Могли бы зайти... Ну, да ладно, не горюй, в другой раз поедешь.

Хорошо тёте Лиде говорить — в другой раз! А когда он будет, этот другой раз? Может, и никогда... Про эти другие разы Алёша тоже кое-что знает. Когда он ещё в детский сад ходил, мама хотела ему купить оловянных солдатиков. Стояла, стояла в очереди, и не хватило. Она тогда тоже говорила: «Ладно, не горюй, в другой раз привезут—купим».

Купили, называется... Алёша уже в школу пошёл, а солдатиков в «Детский мир» так до сих пор и не привезли... А Женька с Вовкой тоже хорошие... Когда Алёша с мамой ехали в зоопарк, так он целый завтрак упрасивал, чтобы мама Женьку с Вовкой взяла с собой. Теперь они играют себе в парке под аккордеон, а Алёша пусть пропадает, да?

Алёша грустно присел на толстую тумбу возле ворот и рассеянно взглянул на компас. Красная стрелка часто-часто подрагивала, словно ей было холодно.

И вдруг Алёша радостно вскочил. Вот это да! Как же он сразу об этом не подумал?! Эге-гей! Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк! Лай-лай-балалай! Не беда, что Алёша не знает дорогу в парк Победы, а для чего же компас?!

Вот только мама... до сих пор он даже во двор не выходил без разрешения...

Алёша посмотрел вверх. Синее небо с одной стороны уже начало густеть, наливаясь плотной тёмно-лиловой синевой. Красный кусочек солнца едва-едва виднелся над крышами домов. Скоро начнётся вечер. Надо спешить.

Алёша ещё раз оглянулся, искал глазами свои окна, но ноги сами несли его вперёд. В тот незнакомый и большой мир, куда его до сих пор водили только за ручку.

— Пожалуйста, води меня поскорей в парк Победы к нашим ребятам и большим пионерам, — сказал Алёша компасу и, не оглядываясь, уверенно зашагал по улице. Туда, куда показывал язычок стрелки.

3. КОМПАС, КОНЕЧНО, ШТУКА ХОРОШАЯ, НО ДУМАТЬ ТОЖЕ НАДО

Мимо Алёши волной тёплого бензинового ветра проносились машины. В разные стороны шли разные люди. Одни громко разговаривали, другие смеялись, третьи молча тащили набитые продуктами сумки.

Но Алёша ничего не замечал. Даже тогда, когда кто-то из прохожих его больно задел чемоданом по голове. Да что там чемодан! Даже тогда, когда мимо, пронзительно вой на всю улицу, промчалась красная пожарная машина, — он не оглянулся. Парк Победы далеко, и нужно очень внимательно следить за компасом, чтобы не сбиться с правильного пути.

Хорошая всё-таки штука компас! Иди с ним куда хочешь — не заблудишься. Конечно, в городе не так интересно. Никакой тебе опасности. Никаких приключений. Другое дело лес или пустыня. Там да!

...Вот он идёт, идёт по густому взаправдашнему лесу. Вокруг темно, как на рентгене. Над головой стучат сухими ветками дремучие деревья. В колючих кустах сердито шуршат хвостами волки. Но Алёша ничего не боится. Он крепко сжимает в руках автомат и смело идёт вперёд и вперёд,

а железо найти никак не может. Сел Алёша под кустом и задумался. Что делать?

— Ты почему задумался, Алёша-геолог? — спрашивает компас.

— А как же мне не задумываться, если я ничего не могу найти? — отвечает Алёша печально.

— Не беда, — отвечает компас, — это для нас пустяки! И повёл компас Алёшу через весь густой лес. Вёл, вёл, вёл и привёл к большому дереву. Посмотрел Алёша, а под деревом целая куча железа. Большая-пребольшая! Выше дома! Выше солнца!..

— Куда ты лезешь?! — испуганно закричала какая-то женщина над головой Алёши. И в тот же миг кто-то схватил его за воротник курточки и дёрнул назад так, что ноги Алёши оказались в воздухе. Только краем глаза Алёша успел заметить, как мимо него со свистом пронеслась синяя «Волга».

Алёша дёрнулся и, почувствовав под ногами землю, поднял голову. Высокая женщина в пёстром плаще одной рукой крепко держала Алёшу за воротник курточки, а другой прижимала к груди белый пакет с ребёнком.

— Тётя, пустите, пожалуйста, — попросил Алёша.

— Куда пустить? Опять под машину захотел? — тяжело дыша, сказала женщина. — Разве можно так? Сам чуть не погиб и человека хорошего погубил бы. . . видишь?

Синяя «Волга» остановилась невдалеке от них. Из неё, рывком распахнув дверь, выскочил шофёр.

— Цел? Не задело? — закричал он, подбегая. — Ремня бы тебе хорошую порцию, шелапут! Большой, а лезешь под машину!

— Простите, пожалуйста, — сказал Алёша, — я. . . я не думал. . .

— Не думал. . . Думать всегда надо. Даже когда ложку в рот берёшь, и то думать надо, для чего эту ложку сделали.

— Я про себя думал, — прошептал Алёша. Только сейчас ему стало по-настоящему страшно. Он испуганно посмотрел на дорогу, по которой нескончаемым грозным потоком неслись машины, и невольно прижался к тёплой и такой надёжной руке женщины, спасшей его.

Шофёр неожиданно улыбнулся и присел перед Алёшей на корточки.

— Испугался? Ничего, брат, это тебе наука. Так о чём же ты думал про себя?

— Как я геологом буду, когда вырасту.

— Ну, если так, — расти быстрее. Только под машины не лезь. Геологу ноги целые нужны, усвоил? Раз и навсегда?

— Усвоил. Раз и навсегда! — твёрдо сказал Алёша.

— Тогда прощай, брат, работа не ждёт. А вам, мамаша, большое спасибо.

Хлопнула дверца. Синяя «Волга» скрылась за поворотом.

— Вот видишь, — сказала женщина, — не умеешь сам через дорогу переходить — попросил бы взрослых. Ты куда шёл? На ту сторону?

Алёша хотел сказать, что он ещё не знает, что ему надо сначала на компас посмотреть, но женщина так бы-

стро перетащила его через дорогу, что Алёша только и успел заметить, как красная стрелка дрогнула и отклонилась немного в сторону.

— Сам дойдёшь или помочь? Знаешь, куда идти?

— Знаю, — сказал Алёша и покраснел.

4. БОБА

Он совсем не знал, куда идти.

Там, куда показывала стрелка компаса, прямо посередине улицы стоял большой четырёхэтажный дом, похожий на утюг. Широкая, весёлая улица словно разбивалась об острый угол дома-утюга и растекалась дальше вдоль его

серых, горячих от солнца стен двумя узенькими улочками-ручейками.

Красная стрелка показывала прямо на острый угол дома.

Значит, надо идти по какой-нибудь из этих улочек-ручейков. Но по какой? По одной разноцветным потоком неслись машины, а на другой, свирепо рыча, дрались две собаки.

Большая чёрная и маленькая рыжая.

Алёша подошёл поближе.

Он ещё никогда не видел, как дерутся собаки. У них в доме много собак, но их всех выводит гулять на поводке, и они только издали рычат друг на друга.

Чёрная собака побеждала. Она была большая и сильная, а маленькая, лёжа на спине, только слабо отбивалась короткими лапами и жалобно визжала.

Алёше стало жалко маленькую, но он ничего не мог поделать. Он очень боялся собак с тех пор, когда на даче одна злая собака укусила его за ногу.

— Дядя, — попросил Алёша прохожего, — прогоните большую собаку, пожалуйста. . .

— Извини, малыш, — сказал прохожий, — некогда мне, спешу. . .

В это время большая собака подняла голову. У Алёши вдруг отчаянно заколотилось сердце, и стало трудно дышать. «Я не боюсь, — сказал он себе, — нет, я не трус и не бояка. Я совсем не бояка, не бояка, не бояка», — повторил он несколько раз и, зажмурив глаза, чтобы было не так страшно, бросился вперёд.

— Уходи, большая собака! — закричал он. — Не смей обижать маленьких! Не смей! Не смей!

И вдруг стало тихо. Так тихо, как в комнате, где неожиданно выключили радио. Алёша судорожно вздохнул и открыл глаза.

Большая собака отпустила маленькую и, оскалив длинные жёлтые клыки, смотрела на Алёшу.

У Алёши мгновенно вспотела спина. Ему стало так страшно, что захотелось поскорее убежать отсюда и спрятаться где-нибудь подальше.

— Я всё равно тебя не боюсь, не боюсь, — прошептал Алёша и, сжав крепче кулаки, заставил себя сделать шаг вперёд.

— Уходи отсюда, злая собака! Как тебе не стыдно обижать маленьких?! — что было силы крикнул он и храбро посмотрел в страшные глаза собаки. — Я тебя не боюсь!

Алёша взмахнул кулаком. Большая собака присела на задние лапы и глухо зарычала.

— Уходи, слышишь? Обрадовалась, что большая, да?

Чёрная собака громко щёлкнула зубами, потом опустила голову, словно раздумывая, как ей поступить с этим нахальным мальчишкой, и нехотя затрусила через дорогу. Алёша невольно шагнул следом и вдруг почувствовал, как что-то тёплое и мягкое ткнулось ему в ноги. Это была маленькая собака. Она тёрлась спиной о ноги Алёши и жалобно скулила.

Алёша присел и погладил её по лохматой, свалявшейся от грязи и пыли спине.

— Ты только не плачь, ладно? — сказал он.

— Эй, это не твоя собака!

Алёша поднял голову. Возле дверей дома-утюга стоял бледный мальчик в коротких штанах на пуговицах и ел конфету.

— Это наша собака, — сказал мальчик, — она у дяди Саши живёт.

— Её сейчас чуть большая собака не съела, — сказал Алёша.

— Ага, — засмеялся мальчик, — я видел, как они дрались. Вот здорово было, правда? Большая овчарка ка-ак даст, ка-ак даст...

— А если я тебе сейчас ка-ак дам?! — сказал Алёша. Мальчик торопливо проглотил конфету.

— А чего? Чего я тебе сделал? Чего, чего? — захныкал он.

— Ладно, — сказал Алёша, — вытри нос... бояка. Буду я ещё о таких руки пачкать! Почему не прогнал большую собаку?

— Да-а... — сказал мальчик, — а если бы она укусила, тогда что?

— Не укусила бы, я знаю. — Алёше стало даже немного жалко этого мальчишку, такой он был бледный и слабый. — Ты не думай, — сказал он, — я тоже сначала боялся, а потом сам себе сказал: не боюсь, и всё! Мне папа говорил, он так на войне всегда делал. Тебя как зовут?

— Боба.

— Боба? — засмеялся Алёша. — Это только собак так зовут, а у людей так не бывает...

— Вовсе и не собак, — обиделся Боба, — это меня мама так зовёт, а другие Борей зовут...

— У нас во дворе тоже один Боря есть, — сказал Алёша, — только он уже во второй класс ходит. Я с ним один раз дрался. Ничья получилась.

— А я только с Витькой справляюсь, — сказал Боба, — он ещё меньше меня.

— А если большие мальчишки, тогда что? — спросил Алёша.

— А я больших не боюсь, — засмеялся Боба, — я тогда сразу маму позову. Она им ка-ак даст — не обрадуются!

— Эх ты! С тобой, наверное, и играть-то никто не хочет... Ты, наверное, тоже плохой товарищ...

И тут Алёша вспомнил про Женю с Вовкой. Вот и они уехали себе в парк Победы, а про Алёшу и не вспомнили...

— Далеко ещё до парка Победы? — спросил Алёша.

— Парка Победы? Не знаю... а что? Ты туда идёшь?

— Ага. По компасу!

— Ой, покажи компас, покажи!

Алёша протянул руку с компасом.

— Видишь? Куда красная стрелка показывает, туда и надо идти.

— Дай потрогать! — тонким противным голосом сказал Боба. — А я тебе за это конфету дам, У меня много!

Алёша проглотил слюну. Он давно уже, с самого обеда, ничего не ел.

— Не надо мне твоей конфеты. Сам ешь... Боба!

И Алёша, не оглядываясь, быстро зашагал по улице.

5. ДОМА УМЫВАЮТСЯ

— Эй, парень! Поберегись!

Высокий человек в синем, заляпанном краской комбинезоне стоял на деревянной лестнице возле дома. В руках у человека была железная машинка, похожая на пистолет. От машинки змейй извивалась вниз тонкая резиновая трубка.

— А что? — спросил Алёша.

— Сейчас нажму кнопку — и станешь ты у меня розовый, как персик, — и он весело подмигнул Алёше.

— Нет, правда? — сказал Алёша и на всякий случай отошёл немного в сторону.

— Правда, правда... смотри, — он нажал какую-то кнопку, и из тупого дула пистолета, шипя, вырвалась розовая струя, как из машины-поливалки. Человек поднял руку с пистолетом и направил струю на стену дома.

Алёша испуганно зажмурил глаза. Ему показалось, что дом сейчас задрожит и рассыплется по кирпичику. Но дом даже не пошевелился, только в тех местах, куда попала струя, стал розовым и очень красивым.

— А я знаю, вы — маляр, — сказал Алёша.

- Смотри, какой догадливый! — засмеялся маляр.
- Вы весь дом так покрасите, да?
- Нравится?
- Ага. А зачем?

— Ну-у, парень, — укоризненно сказал маляр, — а я-то решил, что ты и в самом деле догадливый. Ты по утрам умываешься или так, грязным, ходишь?

— И нет, — обиделся Алёша, — и не грязным вовсе. Я даже зубы каждый день чищу и холодной водой моюсь до пояса.

— Ну-у, тогда-то что, тогда ты — молодец! А дома, потвоему, как? Хотят грязными быть?

— Да-а, — сказал Алёша, — они же не живые. Они каменные. Мы с ребятами у нас на лестнице всю штукатурку мячиком отбили. Дом из кирпичиков сделанный. Я знаю.

— И ничего-то ты, парень, ещё не знаешь, — сказал маляр. Он снова нажал кнопку. Пистолет заворчал, сердито выплюнул на стенку остатки краски и умолк.

— А вот и знаю, — сказал Алёша, — они же не говорят! — И, торжествуя, посмотрел на маляра.

— Да? — удивился маляр. — Не говорят? Ещё как, парень, говорят!

Алёша забыл про компас и парк Победы. Вот это да! Дома говорят! Нет, этот весёлый дяденька-маляр, наверное, смеётся над ним.

— А почему я тогда не слышал? — недоверчиво спросил Алёша.

— Потому, что ты ещё не умеешь других слышать. Ты пока ещё только себя слышишь.

— И неправда, — сказал Алёша, — я всех слышу. Что я, глухой?

— Тогда подай мне этот ящик, во-он тот, который у бочки с краской стоит.

Алёша принёс деревянный ящик.

Маляр вытер тряпкой руки, достал из кармана свёр-

ток с едой и развернул его на ящике. Алёша отвернулся и стал внимательно, словно это было самое интересное на свете, смотреть, как на середине улицы два голубя таскали друг у друга хлебную корку. Ему очень, очень хотелось есть.

— Садись, садись, — сказал маляр, — не стесняйся. — Он пододвинул Алёше два положенные друг на друга кирпича. — Мне дочка столько еды на обед завернула, что одному никак не справиться. Помоги-ка мне, — и он протянул Алёше булку с колбасой и маслом.

— Спасибо, — Алёша откусил кусок булки и зажмурился, довольный. До чего же вкусно! Он вспомнил котлету, которую не хотел есть за обедом, и огорчённо вздохнул. Сейчас бы он сразу три такие котлеты съел.

— Зачерствела булка немного, — сказал маляр. — Ничего, парень, когда есть хочешь, и сухарь пряником покажется, верно? Бери, бери ещё. Я-то не очень, а ты, видать, здорово проголодался.

— Ага, — сказал Алёша и удивлённо посмотрел на маляра. — А как вы узнали?

— Я же говорил тебе, — засмеялся маляр, — надо уметь других слышать. Вот ты мне ничего не сказал, что проголодался, а я всё равно услышал.

— А как дома говорят, вы тоже слышите?

— Конечно. Я, парень, всё слышу. Смотри, видишь вон тот дом?

Алёша оглянулся. Маляр показывал на большой, тёмный дом через дорогу от них.

— Ну, о чём тебе этот дом говорит?

— Ни о чём... — пожал плечами Алёша.

Маляр обнял Алёшу за плечи и придвинул к себе.

— Слушай внимательно, — сказал он и зашептал Алёше на ухо: — Слушай, как он говорит. «Я совсем, совсем ещё молодой дом, но я уже очень болен. Во мне поселились ленивые и невнимательные люди. Они рисуют на моих стенах, царапают их, и стены мои почернели и покрылись морщинами.

Они, эти люди, плохо моют окна, и я ослеп. Они пробили мою крышу разными антеннами, и я простудился, потому что сквозь дырявую крышу проникает дождь.

Мне очень тяжело и больно. Человек, который меня строил, был весёлым и добрым. Он создавал меня сначала на бумаге, а потом из железа, кирпича и бетона и громко пел песни о том, каким я буду прочным, красивым и как долго буду служить людям. А теперь мне стыдно смотреть в глаза этому человеку. Он часто проходит мимо, и плечи его горбятся, когда он смотрит на меня.

Я прошу вас, люди, помогите мне. Позовите скорее весёлого доктора-маляра. У него ласковые, умелые руки, и он вернёт мне молодость...»

Алёша слушал тихий шёпот маляра, и ему начало казаться, что этот грязный, поцарапанный дом с тусклыми, слепыми окнами и в самом деле укоризненно смотрит на него, Алёшу.

— Я никогда больше не буду рисовать на стенках, — сказал Алёша, — честное слово! И... и мячиком тоже не буду. Я... я, когда вырасту, буду геологом и ещё... маляром. Как вы, вот!

— А что? — сказал маляр. — Лечить дома — разве это плохая работа? Ты скорее расти, парень, а работ на свете много хороших. Ну, да ладно, заговорились мы с тобой, парень. Тебя уже мать, наверное, ищет, а мне надо ещё поработать, пока светло.

Маляр взял пистолет и поднялся на лестницу.

Алёша вздохнул. Ему не хотелось уходить. С ним ещё никто так, по-взрослому, не разговаривал. И потом, очень интересно было смотреть, как маляр умывает дом и как под густым слоем краски молодеют стены.

— А тот дом вы тоже покрасите?

— Кончу этот и за тот примусь, — улыбнулся сверху маляр и помахал Алёше рукой. — Беги-ка домой, парень, в другой раз поговорим.

До чего же взрослые любят откладывать всё самое интересное на другой раз!

Алёша оглянулся вокруг. Кое-где в домах уже замигали огни. Тени от домов удлиннились, загустели, а солнце совсем спряталось, только облака снизу порыжели и зарумянились, словно их запекли в духовке.

Алёша посмотрел на компас: красная стрелка по-прежнему упрямо смотрела вперёд.

6. В ЧУЖИХ РУКАХ И ОГОНЬ НЕ ЖЖЁТ...

Что ж, вперёд так вперёд!

Алёша уже не шёл, а почти бежал, то и дело поглядывая на компас. Когда же он появится, наконец, этот парк Победы?!

«Тра-та-та-та... жжжжиу-у-и-и... та-та-та-та...» —

неожиданно раздалось где-то очень близко, почти над головой Алёши.

Что это? Алёша испуганно завертелся в разные стороны. А вдруг пулемёт? Правда, как строчит пулемёт, Алёша слышал только в кино, но то, что услышал Алёша сейчас, было очень и очень похоже на...

«Тра-та-та-та-та... жжжжиу-у-и... та-та-та-та...» — неслось из открытых окон длинного белого дома с деревянным резным крыльцом.

Ну конечно же, это пулемёт! «Вот это да!» — обрадовался Алёша. Наверное, в этом доме живут настоящие солдаты и испытывают новые марки оружия. «Эх, жалко, нет Вовки с Женей — они бы тоже посмотрели», — подумал Алёша и, разбежавшись, высоко подпрыгнул и уцепился обеими руками за деревянную перекладину открытого настежь окна. Потом с трудом подтянулся на руках, как учил папа подтягиваться на турнике, нащупал ногами каменный выступ на стене, встал во весь рост и заглянул в окно.

Громадная, словно гимнастический зал, комната была вся заставлена швейными машинками. Они приглушённо жужжали, будто растревоженные сонные пчёлы, и наперегонки прошивали дробной пулемётной очередью куски разноцветного материала.

За первой от окна машинкой сидела курносая, загорелая, как цыганка, девушка с завязанными на затылке лентой-сантиметром чёрными косами. Девушка работала так быстро, что колесо её машинки вертелось, наверное, в два раза быстрее, чем винт у самолёта.

— Фью-ю-ю... — Алёша разочарованно присвистнул, — швейная мастерская... а я-то думал!

— Ты чего? — девушка подняла голову и удивлённо посмотрела на Алёшу озорными синими глазами.

— Ничего.

— Здравствуй! Раз в окно полез, значит, что-нибудь надо.

- Ничего мне не надо!
- А свистишь зачем?
- Низачем. Свищу, и всё...

— Ну, тогда давай свисти отсюда и не мешай работать! Да ты осторожней, осторожней! — сердито закричала она, когда Алёша заёрзал руками по подоконнику, потому что ноги его соскользнули с узкого каменного выступа и он не знал, как же ему теперь полочнее спрыгнуть. — Там гвоздь — порвёшь свою курточку!

— Подумаешь, — сказал Алёша, — эту порву — мама новую сошьёт! — и, храбро оттолкнувшись руками, полетел вниз.

— Ах, новую! — закричала девушка так, словно её кто-то дёрнул за косы. — Ах, новую?! — и Алёша не успел опомниться, как она, мелькнув в окне красными босоножками на тонком каблучке, очутилась рядом с ним на улице.

— Знайт, новую? — повторила девушка, грозно насупив тонкие брови и наступая на Алёшу. — Сиди, мама, работай, шей, а её милое чадо будет лазить себе в незнакомые окна и рвать одежду о всякие гвозди, так? А ну-ка!

Девушка быстро нагнулась, подхватила Алёшу и легко посадила его на подоконник, потом подпрыгнула, взобралась на окно и втащила Алёшу в комнату.

— Варя, что это?! — бледная, сухая, женщина в низко надвинутой на выпуклый лоб красной косынке подняла голову и сморщилась, словно от сильной головной боли. — Лазаешь в окна... каких-то мальчишек сюда тащишь. Не понимаю я тебя... — она укоризненно покачала головой. — Хорошо ещё, мастер не видел, а то получила бы за нарушение...

— Ну и пусть! — задорно сказала Варя. — Зато я сейчас научу этого свистуна уважать чужой труд!

— А что я вам сделал? — опомнился, наконец, Алёша. — Подумаешь, в окно посмотреть нельзя!

— А на курточку кому наплевать, тебе или мне?

— Так не ваша же она... мне её мама сшила. И ещё, что захочу, сошьёт!

— А эту, значит, рви не жалея, да? Ты думаешь, твоей маме шить так легко и просто, да?

— А что, — сказал Алёша, — подумаешь... взял кусок материи, померял метром-сантиметром, разрезал ножницами и раз, раз на машинке. Я знаю!

— Ну, так я тебе сейчас покажу «раз, раз»... — Варя крепко ухватила Алёшу за руку и потащила в самый дальний угол мастерской.

— Варя! — ахнула женщина в красной косынке. — А норма?!

— Норму я ещё два часа тому назад сделала! — гордо кинула через плечо Варька. — Если бы вы меня не задерживали, я бы ещё процентов двадцать сверх плана дала! .. А ты иди, иди бодрее... захребетник, — прибавила она, подталкивая Алёшу, — не бойся, не съем.

Алёша с трудом проглотил комок слёз, подступивших к горлу. Только бы не расплакаться при этой противной злючке. И что это такое, в конце концов, схватила, тащит неизвестно куда да ещё словами разными обзывается, рада, что большая. . .

— Никуда я не пойду! — отчаянно крикнул Алёша. — Не пойду, и всё!

— Иди, иди, — женщины одна за другой отрывались от работы и чему-то весело смеялись, — не бойся, Варька плохому не научит.

— Давай, давай, Варвара, научи парня уму-разуму, если своего не нашёл!

В углу комнаты, возле длинного широкого стола, стояла одинокая машинка, за которой никто не работал. Варька остановилась у стола и вытащила из картонной коробки кусок материала.

— Так, — довольно сказала она, — материя есть. — Потом сдёрнула с головы ленту-сантиметр, выхватила из

кармана передника ножницы и положила всё это на стол перед Алёшей.

— Вот тебе материя, сантиметр, ножницы, машинка, и давай, милый, принимайся за работу, да поживее...

— За ка... кую работу? — растерялся Алёша.

— Обыкновенную. Ты же говоришь, что сшить курточку легко и просто? Так давай покажи нам, что ты не только портить чужой труд умеешь, а и сам кое-чего стоишь как работник. Я жду.

И Варя, напевая что-то, отошла от Алёши и принялась весело болтать с подружками. Будто ей до Алёши уже не было никакого дела.

Алёша повертел сантиметр в руках, потрогал кусок материала, пощёлкал ножницами... Что дальше надо было делать, он не знал. Правда, он не раз видел, как мама шила,

но у неё всё получалось так легко и просто, будто она не работала, а только играла в работу.

— Ну, что же ты загрустил? — Варя не выдержала и подошла к Алёше. — Не получается «раз, раз», а?

— Не получается, — прошептал Алёша и низко опустил голову. Ему было так стыдно, что он готов был скорее провалиться сквозь землю, чем взглянуть в синие, насмешливые Варькины глаза.

— То-то и оно, — удовлетворённо сказала Варька, — в чужих руках, милый, и огонь не жжёт.

— Что здесь происходит? — грузная седая женщина в просторном синем халате удивлённо смотрела на Алёшу. — И чей это мальчик?

— Наш. Общий. — Варя обняла Алёшу за плечи и подтолкнула его к седой женщине. — Полюбуйтесь, Мария Семёновна, ходит вот такой человек по земле, сам ничего не умеет делать и наплевать ему на то, что делают для него другие.

— И неправда! — закричал сквозь слёзы Алёша. — Не наплевать. . . я про курточку просто так сказал. . . я пошутил, может быть, а ты. . . а вы. . .

Тёплая Варина рука неожиданно мягко легла на голову Алёши, потрепала за вихор, пригладила белёсый чуб. Варя нагнулась и близко-близко заглянула Алёше в глаза:

— Ну, а слёзы зачем? Вот слёзы-то нам с тобой уже совсем ни к чему.

И тут Алёша с удивлением подумал о том, что глаза у Вари никакие не злые и не насмешливые, как ему казалось вначале, а просто очень добрые и весёлые.

— Тебя как зовут? — спросила Варя.

— Алёша.

— Ну, Алёша, мир?

— Мир.

— Будем дружить?

Алёша задумался. Интересная какая: то кричала, толкалась, а теперь дружить хочет. . . смешно!

— Ладно, — сказал Алёша. Ведь он никогда ещё не дружил со взрослыми.

— А всё-таки скажи, Алёша, ты зачем в окно полез?

— И не лез я вовсе, — засмеялся Алёша. — Я думал, что здесь солдаты из пулемёта стреляют, посмотреть хотел, и всё.

— Ну-у, — сказала Варя, — если бы солдаты стреляли из пулемёта, я бы тоже полезла смотреть.

— Варя! — строго сказала Мария Семёновна. — По-моему, рабочий день ещё не кончился. А по-твоему?

— И по-моему тоже, — вздохнула Варя. — Ничего не поделаешь, Алёша, работа есть работа! Приходи ещё когда-нибудь, ладно?

— Ладно, — сказал Алёша, — только я с Женей и с Вовкой приду, можно?

— А это кто такие?

— Мои товарищи!

На улице Алёша постоял немного, что-то мешало ему уйти. Он вытащил из кармана компас, повертел его в руках и снова полез на Варино окошко.

— Варя! Варя! — громким шёпотом позвал Алёша. — Иди сюда, на минуточку!

Варя оглянулась, не видит ли Мария Семёновна, и пошла к окну.

— Что случилось? — также шёпотом спросила она.

— Ничего, Варя, а что такое за... захребетник?

— О! — засмеялась Варя. — Люблю догадливых! Захребетник — это человек, который сам не трудится, а живёт за счёт других, понял? За чужой спиной...

— Ага, понял. Только я же... Варь, а Варь... я же...

Варя оглянулась и, сделав большие глаза, быстро сказала:

— Граждане, внимание, объявляется воздушная тревога! Прошу укрыться в бомбоубежище. Привет! — Мгновение, и она уже строчила на своей машинке как ни в чём не бывало.

Алёша спрыгнул на землю и отряхнул с брюк извёстку. Ладно, дайте ему только скорее вырасти, тогда увидим, кто — кто.

7. ТЕХПОМО...

«Поздно уже», — подумал Алёша. Мама, наверное, давно ищет его, волнуется. Мальчик посмотрел на компас и быстро побежал в том направлении, куда показывал острый язычок стрелки.

Он пробежал мимо магазина, откуда так вкусно пахло свежими булочками. Мимо аптеки, в витрине которой кра-

совался блестящий шприц и пузатая, словно бочка, бутыл с лекарством. Шприц вызвал в душе Алёши такие неприятные воспоминания, что он даже отвернулся и тут же с разбегу налетел на цепочку разноцветных человечков, нанизанных, как ёлочные бусы, на толстую белую верёвку.

— Осторожной, мальчик! — сердито сказала воспитательница с яркими, словно вымытыми в солнце, волосами.

— Извините, — Алёша остановился и терпеливо подождал, пока детские ясли входили в дом.

«Какие они смешные, ну прямо микробики», — подумал Алёша. Неужели он тоже когда-нибудь был таким? Просто не верится. Зато теперь он уже вполне взрослый человек, школьник. Его больше никто и никогда не станет водить на верёвочке. Алёша сжал в руке компас, гордо выпрямился и...

На другой стороне улицы, возле больших железных ворот, стояла машина. Но какая машина! Таких Алёша ещё никогда в жизни не видел. Он быстро перебежал через дорогу и несколько раз обошёл вокруг машины. Вот это да!

Снизу это была обыкновенная грузовая машина. Точно такая же, как та, на которой они ещё в прошлом году переехали сюда на новую квартиру с Петроградской. К ним тогда ещё с папиной работы приезжали помогать. И колёса такие же, как на настоящей грузовой, и кабина, только сейчас в ней не было шофёра. Но на том месте, где у всякой порядочной грузовой машины полагается быть кузову, стоял маленький дом. Почти настоящий, деревянный — с окнами, с трубой и дверью. Только это был дом на колёсах и из двери дома к земле повисла узкая железная лестница.

Алёша ещё раз осмотрел дом на колёсах. На стене дома, над самой кабиной, было что-то написано большими белыми буквами.

Сначала было написано большое Т, потом шло Е, потом Х, потом П и О, и М, и ещё раз О... эти буквы Алёша сразу прочитал, недаром он уже целую неделю учился

в первом классе! Но дальше шло уже совсем что-то непонятное — буква Ш с каким-то смешным хвостиком, как у поросёнка на витрине домовой кухни, и ещё Р вверх ногами.

Алёша задумался. Что бы это такое могло быть? Т, Е и Х — получается ТЕХ... потом П и О, М и О... ТЕХПОМО... «Техпомо... ничего не понимаю, — вздохнул Алёша, — какое странное слово... ТЕХ ПОМО...» Если бы не это Ш с хвостом и не Р вверх ногами... Может быть, это какое-нибудь иностранное слово? Ну конечно же иностранное, почему же он сразу не догадался! Тогда чья же это машина? А что, если... Эх, вот было бы здорово! А что, если на этой машине ездят геологи? Или нет... самые знаменитые путешественники?! Как в кино «Дети капитана

Гранта» — там они тоже ехали по пустыне в таких домах-фургонах...

Ну конечно, конечно же это путешественники! Может быть, они на этой машине уже объехали весь земной шар, все страны, какие только есть в школе на глобусе.

Эх, вот если бы и он, Алёша, мог поехать вместе с ними... А что? Компас у него есть. Вот только оружия никакого нет, если дикие звери вдруг нападут, лев там или тигр... Ничего, пусть себе нападают, сколько захотят. У индейцев тоже ведь нет никакого оружия, только лук и стрелы, а из лука запросто можно научиться стрелять.

Алёша представил себе на минуту, как в понедельник учительница Светлана Петровна войдёт в класс и скажет, слегка откинув голову назад и прищулив глаза: «Дети, наш Алёша стал знаменитым путешественником и уже уехал путешествовать в жаркую Африку...»

Вот тогда Вовка с Женей пожалеют, что уехали без него в парк Победы!

И Алёша решительно полез по железной лестнице.

Дверь дома была не заперта, Алёша приоткрыл её и заглянул в дом. В доме было темно и... пусто. Тогда Алёша совсем влез в дом и прикрыл за собой дверь.

Вдоль стен дома стояли две широкие скамейки, обитые чем-то холодным и мягким, похожие на диван у папы на работе. Только диван коричневый, а скамейки чёрные и такие широкие, что на них даже можно было спать. А впереди, у той стены, которая выходила к кабине, стоял стол. Обыкновенный кухонный стол, и на его поцарапанных дверцах висел квадратный замок. К крышке стола была крепко привинчена странная машинка с двумя толстыми, немного изогнутыми внутрь железными губами и таким же железным хвостом с деревянной ручкой, словно на мясорубке.

Алёша повертел ручку. Железные губы мягко разъехались. Тогда он вставил между ними гвоздь и опять по-

вертел ручку. Только уже в другую сторону. Губы съехали и так крепко прихватили гвоздь, что сколько Алёша ни дёргал его в разные стороны — так и не смог вытащить.

Больше в доме ничего такого не было, если не считать старой, замасленной телогрейки на лавке и двух резиновых сапог под лавкой.

«Интересно, — подумал Алёша, — а где же они прячут свои вещи — оружие, фотоаппараты? Наверное, в столе, где же ещё?» — Алёша подёргал замок стола, но тут снаружи что-то тяжело заскрипело, ухнуло, хлопнула дверца кабины.

Машина качнулась и... поехала.

Алёша от неожиданности чуть не трахнулся головой об угол стола.

— Путёвку в диспетчерской отметь. Механик туда пошёл. Здорово было? — сказал кто-то.

— Не спрашивай, — это уже шофёр из кабины ответил.

Алёша ухватился руками за скамейку и чуть было не закричал от страха, но вовремя сообразил: если он закричит, то, во-первых, путешественники прибегут и высадят его. Взрослые всегда всё самое интересное в жизни оставляют для себя, а детям только говорят: «Подрасти ещё...» Во-вторых, сколько ни кричи, его тут всё равно никто не услышит, а в-третьих, пока он обо всём этом думал, — машина остановилась.

— Так, — сказал себе Алёша, — интересно, куда это мы приехали и где же они, эти знаменитые путешественники?

Он хотел было осторожно выглянуть в окно, но возле машины послышались голоса, и Алёша замер, прислушиваясь.

— Далеко ездил?

— Порядочно. В Колпино.

— Добро. Иди скорее, тебя главный ждёт. В ДОКе лесовоз сел.

Алёша терпеливо подождал, пока шофёр не ушёл к своему главному, наверное, самому знаменитому путешественнику, а затем осторожно спустился по железной лестнице.

Машина стояла возле большого дома. Обыкновенного каменного дома, выкрашенного в яркий жёлтый цвет. Только вместо дверей в дом вели несколько соединённых между собой стальными балками, распахнутых настежь ворот. Алёша хотел было заглянуть внутрь дома и испуганно попятился. Прямо на него, задом, медленно двигался громадный грузовик, сверкая свежепокрашенными бортами. Алёша метнулся в сторону и больно ударился коленкой о другую машину, исковерканную и бесколёсую. Вместо колёс машину подпирали толстые, похожие на шахматные лады, чёрные тумбы. Дверцы кабины были сняты совсем, а вместо мотора зияла чёрная дыра, словно машина раскрыла в испуге рот, да так и не смогла закрыть.

Рядом с поломанной стояла, слегка завалившись на один бок, другая машина, и какой-то дядька со шрамом через всё лицо снимал с неё колесо. Машина смотрела на Алёшу тусклыми, безжизненными фарами и, казалось, просила: «Помоги мне, Алёша...»

— Вы зачем снимаете с неё колесо? — сердито спросил Алёша.

Дядька выпрямился, вытер лицо ладонью, отчего оно стало ещё более грязным, и удивлённо уставился на Алёшу.

— А ты откуда здесь взялся, шкет?

— Ниоткуда. А что?

— Ничего-о. Слышу грозный окрик, а неведомо откуда. Направо посмотрел — нет никого. Налево — тоже не видеть. Вниз глянул — глаза протёр: еле-еле от земли поднялось, а туда же, командует...

— Я не командую... я просто спросить хотел...

— Э-э, брат, спрашивать тоже можно по-разному. Можно спросить-отругать, можно спросить-приказать, а

можно и спросить-попросить или спросить-узнать. Ты что хотел?

— Зачем вы колесо с неё снимаете?

— И не одно это. Я, брат, все колёса у неё сниму.

— Как же она тогда ездить будет?

— Поставим новые — и поедет она у нас как миленькая, — сказал дядька и покати́л снятое колесо в дом.

— Внимание, внимание! Водитель Иванов Николай Петрович, рабочий номер двести сорок три, зайдите срочно в диспетчерскую.

Большой голубой репродуктор на стене дома захрипел и умолк, прежде чем Алёша успел сообразить, что говорят по радио.

Тот же дядька вышел из ворот дома, впереди себя он

катил уже другое колесо, совсем новое. Колесо, наверное, было очень тяжёлым, потому что шрам, пересекающий лоб и одну щёку дядьки, покраснел от напряжения.

— Ну-ка, шкет, поддержи... я по-быстрому, только узнаю, зачем вызывают.

Алёша с готовностью подставил плечо.

— Удержишь?

— Запросто!

Но удержать было не так просто, как казалось. Плечи Алёши онемели от напряжения и начали дрожать. Он хотел было переменить ногу и встать поудобнее, но выпустил колесо, и оно покатилося вперёд, а затем звучно шлёпнулось в большую, блестящую красными и зелёными разводами лужу.

«Вот беда ещё, — огорчённо подумал Алёша, — как же его поднять? Такое новенькое было, чистое, а теперь...»

— Эй, друг! С дороги-и-и-и!

Прямо на Алёшу катилась широкая, приземистая, похожая на таксу тележка. На тележке, широко растопырив в стороны железные руки-палки, лежала продолговатая коробка...

— Это вы что везёте? — спросил Алёша.

— Деталь машины, — загадочно ответил дядька в промасленном комбинезоне, управлявший тележкой, и смешно пошевелил пышными, как папин помазок, усами.

— А какую деталь? — спросил Алёша.

— Важную. Без неё ни одна машина с места не сдвинется.

...«Почему так долго не идёт этот дяденька Иванов, у которого рабочий номер двести сорок три?» — подумал Алёша и печально побрёл к колесу. Оно мирно лежало в луже и словно щурилось от удовольствия. Алёша сердито пнул его ногой, поднял голову и замер, очарованный.

Огромный, как Дворцовая площадь, двор был весь залит светом прожекторов. В широко распахнутые ворота двора одна за другой въезжали машины.

И каких только машин здесь не было!

Кряжистые, словно борцы-тяжеловесы, зелёные МАЗы, стройные, лёгкие газики; длинные, с тупыми бульдожьими мордами ЗИЛы, и даже один жёлто-зелёный автобус...

Все эти машины на минуту останавливались у деревянной будки возле ворот, нетерпеливо фырча и вздрагивая. Высокий и такой худой, что комбинезон висел на нём, словно на вешалке, дядька ходил вокруг машин и выстукивал им колёса длинным молотком, выслушивал мотор, прикладываясь к решётке ухом, как доктор в поликлинике. Потом машины медленно выезжали на середину двора и выстраивались в очередь к длинным, глубоким ямам. Здесь-то и начиналось самое интересное.

Шофёры, как по команде, выскакивали из кабин и из толстых резиновых шлангов начинали хлестать машину по голове и бокам тугой, сверкающей в свете прожекторов струёй воды.

От машин шёл пар. Они шипели, пофыркивали и весело блестели промытыми окнами. Пропылённые, усталые машины после купания весело выстраивались в чистые, ровные ряды в глубине двора.

— Что же ты колесо-то утопил? — Иванов незаметно подошёл к Алёше и легонько щёлкнул его по затылку.

— Оно само, честное слово! Ка-ак покатится... — сказал Алёша.

— Само... само только дерево растёт, и то если его посадят. Давай помогай.

Вдвоём они быстро подняли колесо и подкатали его к машине.

— Дядя Иванов, — сказал Алёша, — а эти машины откуда приехали? Из путешествия?

— А как же! — засмеялся Иванов. — Полный день они только и знают, что путешествуют с одного завода на другой. Наш автопарк из одних путешественников состоит.

— Нет, правда? А вы тоже путешественник?

— Конечно. Самый что ни на есть шофёр-путешественник. Только вчера из Одессы пришёл. Новые станки для одного завода привёз.

— Я не про такое спрашиваю, — сказал Алёша, — я про другие страны...

— И в других странах был... В Венгрии, например, в Чехословакии, в Германии. Везде, брат, побывал.

— И с дикими зверями сражались?

— С самыми, какие только есть на свете, дикими — с фашистами, — сказал Иванов и внимательно посмотрел на Алёшу. — А ты что, тоже хочешь стать путешественником?

— Ага, — сказал Алёша и, убедившись, что вокруг никого не было, горячо зашептал: — Я сюда вон на той машине приехал, где не по-русскому написано...

— Где это не по-русски написано? — удивился Иванов. — На этой?

— Ну да, — сказал Алёша, — видите, там ША с хвостом и РЭ вверх ногами?

— Эх ты, вверх ногами! — засмеялся Иванов. — Это же мягкий знак, а ША с хвостом — буква ЩА, горе-путешественник. Знать надо!

— Да-а, — сказал Алёша, — а если мы эти буквы ещё не учили...

— Раз не учили, тогда другое дело. Извини, брат, а машина эта ТЕХПОМОЩЬ называется. Техническая помощь. Вот если, к примеру, человек заболит, к нему скорая медицинская едет, так? А если машина...

— Понял, понял, — обрадовался Алёша, — если машина заболит — к ней скорая техническая едет! Здорово как! Я бы тоже хотел на технической помощи работать.

— Это уже лучше. Только на технической помощи надо не только хорошим шофёром быть, а и слесарем, и механиком. Надо всю машину, каждую её деталь как свои

пять пальцев знать. Короче, брат, чтобы всё это освоить, надо любить машину.

— А я люблю машины, — сказал Алёша. — Мне мама купила во какой грузовик. Я его сначала поломал, а потом сам починил, только колёсики лишние остались.

— Николай Петрович, — к ним подошёл ещё один шофёр в маленькой кепке козырьком назад. Лицо у шофёра было всё-всё покрыто крупными, как кляксы, веснушками. — Посмотри, пожалуйста, двигатель, инспектор его заberi, с утра барахлит. Еле-еле до автопарка дотянул.

— Сейчас, — сказал Николай Петрович, — как звать-то тебя, шкет?

— Алёша.

— Вот что, друг Алёша, приходи, если ты действительно любишь машины, к нам в автопарк. Придёшь в другой раз, я тебе покажу нашу машинную поликлинику — ремонтные мастерские.

«Опять в другой раз», — вздохнул Алёша.

— Пожалуйста, ну, пожалуйста, покажите сейчас, — попросил он.

— Сейчас, Алёша, некогда. Надо этому парню помочь. Слышал сам, мотор у него барахлит. Работать не хочет.

— А в машинной поликлинике тоже шофёры работают? — спросил Алёша.

— Ну нет. Там автослесари, мотористы, генераторщики, токари, сварщики... В общем, много у машины врачей.

— Николай Петрович! — снова позвал шофёр.

— Иду, иду! Пока, Алёша, до свиданья. Приходи к нам ещё.

— Приду, — сказал Алёша.

Круглая тётянка в синем халате вывела его через деревянную будку, и Алёша снова очутился у тех же ворот, где он впервые увидел «Техпомощь».

Мальчик грустно взглянул на ворота, за которыми жил чудесный мир машин и где остался шофёр-путешественник Николай Петрович. Алёша обязательно придёт сюда ещё раз, вместе с Женькой и Вовкой. Пусть они тоже узнают всё про машины. Но это потом, а пока нужно было очень и очень спешить. Красная стрелка компаса по-прежнему смотрела вперёд.

8. САМОКАТ, НА КОТОРОМ ПОЧЕМУ-ТО РАСХОТЕЛОСЬ КАТАТЬСЯ

Алёша торопливо пробежал одну маленькую улицу, вторую, завернул за угол. Парка Победы нигде не было.

«Уже совсем поздно делается, — подумал Алёша, — уже все люди пришли с работы домой, а я иду и иду».

Он вздохнул и устало прислонился к фонарному столбу.

Ах, как здорово было бы сейчас вдруг очутиться дома. Походить по комнате, посмотреть, как чертит за столом папа и как забавно прыгает у него в руках циркуль-балеринка. Или просто так посидеть с мамой на диване. Руки у неё тёплые, мягкие, и от них всегда пахнет чем-нибудь вкусным. Интересно, что сейчас делает мама? А может быть, нужно просто взять и вернуться домой? Как же тогда парк Победы? Папа всегда говорит: «Настоящий человек должен всякое дело доводить до конца». Конечно, Алёша ещё маленький, но ведь и маленькие тоже могут быть настоящими людьми... Не-ет, пусть уже поздно, пусть даже немножко страшно и хочется спать, Алёша всё равно найдёт парк Победы.

Только почему его так долго нет?

Алёша тихонько постучал по стеклянной крышке компаса.

— Пожалуйста, когда же мы придём в парк Победы?

Стрелка вздрогнула, недовольно повертела в разные стороны острым носом и молча остановилась в прежнем положении — вперёд!

— Вот ты какая! — обиделся Алёша и тут вдруг увидел в самом конце улицы такие большие деревья, что высокая железная ограда едва доходила им до нижних веток.

— Ура!!! — закричал Алёша. — Ура!!!

Он бежал по улице и что-то пел.

Деревья становились всё выше и выше.

Алёше казалось, что он уже слышит, как в глубине парка играет аккордеон.

Синяя машина-поливалка неожиданно выехала из-за углового дома и изо всех сил ударила Алёшу целой тучей острых холодных брызг. Алёша невольно зажмурил глаза, рванулся вперёд, к воротам парка, и с разбегу ткнулся во что-то мягкое головой.

— Безобразие! Разве можно так носиться! — сердито сказали басом над головой Алёши.

— Извините, — с трудом переводя дыхание, сказал Алёша, — я нечаянно...

Седая женщина в шляпке горбиком потёрла носовым платком мокрое пятно на платье в том месте, куда ударился головой Алёша.

— Разве можно так носиться? — повторила женщина. — Посмотри на себя, на кого ты похож?! Мокрый, грязный... представляю, что скажет твоя мама...

Алёша на минуту представил себе, что скажет мама, и вздохнул. Об этом лучше было не думать...

— Ничего, — сказал он, — мне бы только наших ребят и больших пионеров найти здесь... Вы не видели их?

Женщина пожала плечами.

— Играют там возле центральной клумбы какие-то дети. Может быть, это они?

— С аккордеоном? Конечно, они! — обрадовался Алёша. — А где эта клумба?

Женщина махнула рукой в глубину парка и ушла, укоризненно покачивая головой.

Алёша растерянно огляделся. Как же найти теперь эту клумбу?

В разные стороны расходились аллеи, засыпанные мелким красным щебнем. Огромные деревья так густо переплелись ветками друг с другом, что за ними ничего не было видно. «Надо выбрать самую большую аллею и идти», — решил Алёша.

— Эй ты! Чего встал на дороге?!

Алёша вздрогнул, оглянулся и увидел самокат. Но какой это был самокат! Весь голубой, с серебряными ручками и ярко-красными колёсами. На самокате гордо стоял рыжий, как клоун, мальчишка в синем матросском костюме.

— Хочу и стою, — сказал Алёша и независимо шмыгнул носом. Подумаешь, что он, самокатов не видел, что ли?

— Я чуть на тебя не наехал... Стоишь и рот раскрыл!

— Сам ты раскрыл, — сказал Алёша и одним глазом покосился на самокат. — Мне мама тоже такой купит, когда я во второй класс перейду.

— Тебе ещё когда купят, а у меня уже есть! — и рыжий несколько раз объехал вокруг Алёши на самокате. Красные, одетые толстой шиной колёса бесшумно подминали щебень. В серебряных ручках так сильно отражались огни фонарей, что казалось, будто они светятся собственным светом.

— Дай разок прокатиться? — не выдержал Алёша.

— Тебе?! — рыжий презрительно свистнул. — А ты кататься-то хоть умеешь? Такому только дай — раз, два, и нет самоката, а это вещь, понял?

— Ага, — сказал Алёша, — только я правда умею.

У нас во дворе у Кольки тоже есть самокат — все мальчишки на нём когда хотят, тогда и катаются... и девчонки тоже. Я только раз, а?

— Один раз можно, — сказал рыжий, — а ты мне что за это дашь?

— Как что? — не понял Алёша.

— Эх ты... Ну, я тебе дам самокат прокатиться, понял, а ты мне что дашь?

— У меня ничего нет, — растерянно сказал Алёша.

— А нет, так и проваливай! — засмеялся рыжий.

— Витька! Витька! Подожди! — из-за деревьев вылетела худая длинноногая девчонка в коротком платье. Она так сильно размахивала на бегу руками, словно хотела взлететь.

— Вот, возьми! — крикнула девчонка и протянула

рыжему Витьке карманный фонарик. — Он совсем хороший, чесслово... только лампочка немного перегорела...

Рыжий внимательно осмотрел фонарик.

— Ничего, — сказал он, — у брата целый ящик лампочек.

— Правда? — обрадовалась девчонка и цепко ухватилась за самокат. — Смотри же, Витька, уговор был: сколько влезет буду кататься.

— Ладно. Мне всё равно уже надоело кататься, — сказал рыжий, — только смотри не сломай, — и спрятал фонарик в карман.

— Эге-ге-гей! С дороги-и-и-и! — тонким голосом завизжала девчонка, хотя на аллее никого не было, и, рывком оттолкнувшись от земли ногой, понеслась вперёд.

— Видел? — сказал рыжий Алёше. — У меня теперь целых три фонарика... Это у тебя что за значок? Красивый какой! Где выменял?

Алёша сердито оттолкнул руку рыжего.

— Не хватай! И не выменял вовсе... мне папа его из Венгрии привёз.

Рыжий нетерпеливо заходил вокруг Алёши.

— Послушай, — сказал он и снова дотронулся до значка рукой, — давай махнёмся, а? Ты мне значок, а я тебе самокат? — Хоть десять раз катайся, не жалко!

— Не хочу, — сказал Алёша. Ему почему-то совсем расхотелось кататься на самокате рыжего.

— Ну... ну, я тебе ещё фонарик дам в придачу, а?

— Не надо мне фонарика... Он же не твой совсем...

— Как не мой?! Был не мой, а теперь всё, законно мой.

— И не твой. Девчонкин он, я видел!

— Ви-идел! Она сама мне отдала за самокат.

— И всё равно не твой, — упрямо повторил Алёша, — жадина ты, вот кто!

— Это я жадина?! — возмутился рыжий. — На моём самокате катается, и я же жадина? Ты сам жадина! Скажи уж, жалко значка стало.

— И вовсе не жалко.

— Нет, жалко, жалко. . .

— Нет, не жалко.

— Жадина-говядина,

жадина-говядина,

сел верхом на паровоз

оторвал у кошки хвост,

кошка плачет и рыдает,

а про жадину не знает. . . —

дразнился рыжий, наскакивая на Алёшу.

— А ты... ты... — Алёша никак не мог придумать нужное слово, которое точно сказало бы рыжему, кто он такой, и, покраснев от незаслуженной обиды, решительно сжав кулаки, двинулся на рыжего.

— Эге-гей! С дороги-и-и-и! — прямо на Алёшу неслась на самокате девчонка, вертя ногой как заведённая.

— Эй! Подожди! — неожиданно для себя самого крикнул Алёша.

Девчонка остановилась и издали тревожно смотрела на Алёшу.

— Чего ты? — запищала она. — Я же ещё не накаталась! Витька, Витька, чего он? У нас же уговор был, честное слово, я же...

— Да перестань ты! — сказал Алёша. — Нужен мне твой самокат! — Он отстегнул от курточки значок и протянул его девчонке. — Вот. Нравится?

— Ага! — у девчонки загорелись глаза. — Красивый какой! Твой, честное слово?

— Мой. Хочешь подарю?

— Не, — замотала головой девчонка, — у меня же ничего нет взамен, честное слово.

— А я просто так, — сказал Алёша, и ему вдруг вспомнился шофёр Николай Петрович со шрамом через всё лицо. — Всё, что у меня есть, бери, не жалко, — добавил он и протянул девчонке значок.

Девчонка быстро, словно клюнула Алёшу в ладонь, схватила значок и спрятала его за пазуху.

— Насовсем? Честное слово, не отберёшь? Ой, спасибо!

Алёша засмеялся и презрительно посмотрел на бледного от злости рыжего.

— Ну и дурак, — сказал рыжий и сплюнул, — за так отдал. А то бы на самокате покатался и фонарик твой был бы.

— Нужен мне твой самокат! У нас во дворе у Кольки самодельный, а всё равно лучше твоего на нём кататься, — сказал Алёша и пошёл вдоль зарослей сирени.

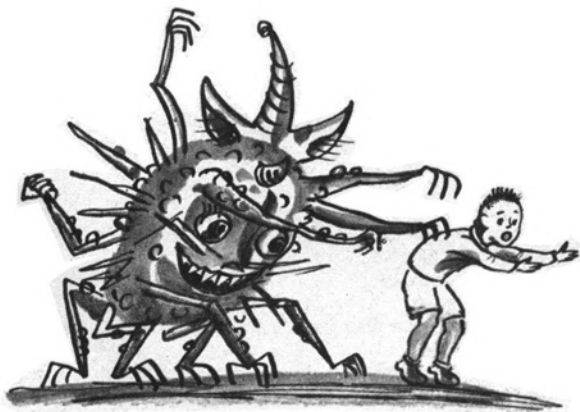
Он шёл всё прямо и прямо и ни разу не оглянулся назад, где остались рыжий и сияющая от радости девчонка с его значком. И, честное слово, ему совсем не жалко было значка.

9. ЗАХОЧЕШЬ — НЕ ИСПУГАЕШЬСЯ

За разлапистой голубой елью аллея неожиданно свернула в сторону и узкой, еле заметной в траве тропинкой скрылась в тёмных зарослях кустарника.

Алёша нерешительно сделал несколько шагов и остановился, пристально вглядываясь в темноту.

Густая, почти сплошная тень покрывала тропинку, и оттого всё вокруг делалось таинственным и жутким. Моло-

дые деревья поднимались за кустами шелестящей, непроницаемой стеной. В траве и кустах что-то шуршало, попискивало, вздыхало. Казалось, там насторожённо бродят неведомые, сказочные существа, о которых ему рассказывала в длинных вечерних сказках мама.

Алёше стало так страшно, что он не выдержал, резко повернул назад, к свету, и вдруг почувствовал, как что-то цепко ухватило его за рукав курточки.

— А-а-а-а! — закричал Алёша и задёргался, пытаясь освободиться. Но оно било его по лицу, хватало за руки, больно царапало ноги.

— А-а-а-а! — отчаянно крикнул Алёша ещё раз. — Помогите-е-е-е!

Чьи-то ловкие, сильные руки легко освободили его из страшных колючих объятий, вынесли на свет и посадили на скамейку.

Алёша судорожно всхлипнул и потёр ладонью царапины на ногах.

Рядом с ним на скамейке сидел высокий, прямой, как палка, старик в военном кителе без погон. Длинная белая борода старика прикрывала верхние пуговицы кителя. На толстом рыхлом носу хитро поблёскивали неожиданно маленькие очки без дужек.

«Такие очки пенсне называются», — подумал Алёша и ещё раз тихонько всхлипнул. На этот раз уже от радости, что страшное позади и он снова видит свет и людей. Только ноги саднит очень.

— Перестань хныкать, мужчина, — сказал старик, — и вытри нос.

— Я... я не хныкаю, — сказал Алёша, — я... я просто испугался...

— Испугался? Странно. Заяц пуглив — у него есть враги. Они сильнее его. А что же есть на свете такое сильное, что может испугать человека? — Старик не спрашивал, а словно беседовал сам с собой, не глядя на Алёшу. И от этого слова его делались очень обидными.

— Да-а, — сказал Алёша и со страхом посмотрел на кусты. Потом перевёл взгляд на старика. Тот сидел всё так же прямо, положив обе вытянутые руки на изогнутую вопросительным знаком палку. И смотрел вперёд. Будто Алёши с ним рядом и не было.

— Да-а, — сказал Алёша, — там кто-то страшный ка-ак схватит меня, ка-ак потащит... и ноги все поцарапало...

Ему очень хотелось, чтобы старик повернулся к нему, погладил его по голове, поахал, пожалел его, как ахает и жалеет мама, когда он прибегает со двора весь поцарапанный.

— Очень больно поцарапало, изо всех сил, наверно, — жалобно добавил он.

Но старик молчал.

Тогда Алёша рассердился.

— Если бы у меня была палка, я бы ему так дал — не обрадовался бы, — сказал он.

— Если бы да кабы... Задним числом всегда говорят те, кто празднует труса, — заметил старик.

— И не трус я вовсе! — у Алёши от обиды задрожали губы. — Я хотел назад пойти, а оно не пускает...

— Почему ты повернул назад? Испугался?

— Да-а... там темно и... страшно, а оно ка-ак схватит...

— Страшно потому, что темно. А если бы не было темно, — не было бы и страшно, так? Вот и выходит, что свой страх ты сам выдумал.

— Да не выдумал, честное слово! Я сегодня даже большой собаки не испугался и прогнал её, вот! А там правда страшно. Вам бы так, вы бы тоже испугались, думаете, нет?

— А что ты думаешь, ведь и у меня так было, — старик повернулся к Алёше и улыбнулся. — Струсил, как первоклассник. Сейчас-то мне смешно вспоминать, а тогда было не до смеха... хочешь расскажу?

— Очень, — сказал Алёша, — это на войне было, да?

— На войне. Я тогда только что попал на фронт, и меня сразу же определили в разведку. Я хорошо знал немецкий язык. Не успел я ещё и познакомиться как следует со своими новыми товарищами, получили мы приказ из штаба — разведать огневые точки противника на нашем участке. Быстро и точно и чтобы немцы ни о чём не догадались.

Глубокой ночью перевели нас сапёры через минное поле. За минным полем начинался небольшой лесок, и там уже стояли немецкие части. Когда мы вползли в лесок, наш сержант Федя спросил меня: «Ну, новенький, живём?» — «Живём», — сказал я. Мне надо было уже тогда честно сказать, что я боюсь. Боюсь всего: и леса, и темноты — ведь я всю жизнь до этого прожил в городе и, кроме садов и пар-

ков, леса не видел, — и немцев, которые каждую минуту могли нас обнаружить. Федя отправил бы меня назад вместе с сапёрами, но я струсил и не сказал правды. Федя одобрительно похлопал меня по плечу: «Молодец, солдат, кроме смерти, ничего не бойся!» Как сказал он это — у меня в душе всё перевернулось от страха. Умирать-то никому не хочется. В темноте Федя не видел моё лицо, а голос не мог меня выдать, потому что мы говорили шёпотом.

«До утра пересидим здесь, в овражке», — сказал Федя. Те данные, которые нам были нужны, мы могли собрать только днём. Ребята прикорнули, замаскировавшись кустами и ветками, а меня поставили часовым.

«Смотри в оба, — сказал Федя, — если что — не поднимай тревоги и ни в коем случае не стреляй, а крикни что-нибудь по-немецки, вроде как позови: «Карл, иди сюда!» — понял? Через пару часов тебя сменю».

И я остался один. Один на один с ночью в лесу. Лес этот был небольшой, а кучный. Кучка деревьев и полянка, кучка деревьев и полянка, а между деревьями кустарник почти в человеческий рост.

Я сидел в кустах и боялся смотреть и вверх и по сторонам. Уж и не знаю, чего я тогда больше боялся, леса, темноты или немцев. Вверху, сквозь редкие просветы, были видны ветки деревьев. Они качались под ветром и казались мне страшными когтистыми лапами, которые тянутся ко мне и вот-вот схватят меня за шиворот. А за кустами мне чудилось всё, о чём слышал в детстве, в сказках. Досужие рассказы о всякой чертовщине полезли в голову. Ты ещё мальчик, а я был взрослым. Вооружённым солдатом. И тем не менее страх сковал мне сердце, разум, вытеснил всё человеческое, оставив в душе только унижительное желание спрятаться. Я лёг на землю и прикрыл голову руками.

И тут рядом со мной послышался шорох, будто кто-то не спеша продирался сквозь кусты. Потом встал надо

мной и дышит. Я боялся повернуть голову, чтобы посмотреть, кто это. Я боялся даже дышать. А оно наклонилось надо мной и провело чем-то мокрым и шершавым по моей руке. В эту минуту я окончательно перестал быть человеком, часовым, от которого зависела жизнь товарищей, дело, ради которого они шли сквозь ночь на вражескую территорию. Все наставления Феди вылетели у меня из головы. Я вскочил на ноги и начал строчить из автомата в воздух, в деревья.

К утру мы с трудом отбились от немцев и прорвались к своим, так и не выполнив задание.

— А что это было? Которое мокрым по руке? — спросил Алёша.

— Телёнок. Маленький, годовалый телёнок. Не знаю, как он там оказался. Прибрёл ли из деревни или отбился от стада, когда наши угоняли от немцев скот, но именно этот телёнок и помог мне стать настоящим солдатом.

Странно, но никто мне ничего не сказал. Никто не упрекал, не ругал. Больше того, меня просто не замечали. Да я бы и не услышал ругани, потому что весь день не находил себе места от стыда перед товарищами, перед самим собой. А ночью, когда другая группа бойцов шла выполнить то задание, которое я сорвал, и командир не разрешил мне пойти, — я заплакал.

Я стоял перед командиром и плакал, и не стыдился своих слёз, потому что плакал я не из-за трусости и страха, а потому, что меня не брали на боевое задание.

И командир поверил мне. Вот так. Ты всё понял?

— Да, — сказал Алёша.

— Тогда иди. Иди, куда тебе надо было, и помни, что страха нет. Страх мы выдумываем сами.

Алёша поднялся, посмотрел на кусты и сделал несколько шагов. Всё-таки было страшно. Он оглянулся.

Старик сидел всё так же прямо и молча смотрел на

него. Под белой бородой старика виднелись разноцветные полосы орденских планок.

«Видно, не напрасно поверил ему тогда командир», — подумал Алёша и решительно шагнул в темноту.

Возле того места, где его зацепило, он заставил себя остановиться. Руки его опять натолкнулись на что-то острое. Алёша медленно провёл руками и засмеялся. Это был куст шиповника, весь, весь усыпанный колючками. Тонкие ветки качались под руками Алёши, цеплялись шипами за рукава курточки, и от них слабо и нежно пахло чем-то очень приятным, как пахнет от мамы, когда она собирается с папой в театр или филармонию.

Не страшны нам никакие опасности!
Не боимся мы ничего!
Ту-ру-ру-ру! Тилим-бом-бом! —

громко запел Алёша тут же придуманную песню и вприпрыжку побежал по тропинке. Она несколько раз вильнула между деревьями и вывела Алёшу на центральную аллею.

Центральная аллея была вся освещена разноцветными лампочками, а на скамейках вдоль газонов сидели люди.

Алёше стало совсем весело. Когда кругом люди, — ничего не страшно.

10. Я ЖИВУ В НАШЕМ ДОМЕ

Он шёл и весело напевал свою песню. Это была его песня. Он очень гордился ею, что она такая складная и боевая! Настоящая солдатская!

Не страшны нам никакие опасности,
Не боимся мы ничего! Ого-го-го!
Тири-ли-ли-бом! Бимба-рак!

Сейчас где-нибудь тут покажется клумба, и он найдёт, наконец, Женю с Вовкой и больших пионеров.

Но вместо клумбы он неожиданно увидел ворота парка.

Как же так?

Может быть, он неправильно шёл? Где же эта клумба, о которой говорила тётя?

Алёша растерянно посмотрел на компас.

— Мальчик! Пожалуйста! У меня мяч на дорогу упрыгнул!

У ворот на скамейке сидела маленькая девочка и плакала.

— Перестань хныкать и вытри нос, — строго сказал Алёша. Машин не было видно, и он быстро сбежал за мячом. — Получай свой мячик. Не маленькая, могла бы и сама сходить.

Девочка осторожно повернулась и вытянула вперёд туго забинтованную ногу.

— У меня нога сломанная, не веришь? Правду говорю! Я целый месяц в больнице лежала на вытяжении, — гордо сказала она и уже грустно добавила: — Я теперь, наверное, всегда такая буду. . .

— Ну да, зарастётся, — уверенно сказал Алёша, — я в цирке видал. Там одному голову совсем саблей отрезали, а она опять приделалась. А нога — пустяки! Ещё как зарастётся! Ну ладно, мне пора. . .

— Посиди со мной немножко, — попросила девочка, — а то я боюсь одна. Мама сказала, быстро в магазин сходит, а сама всё не идёт и не идёт. . .

— Не могу, — сказал Алёша, — мне Женю с Вовкой надо ещё найти. Ты только смотри, осторожней с мячом, а то он опять на дорогу покатится.

Девочка молча тряхнула белыми косичками и прижала к себе мяч. Плечи её тихонько вздрагивали.

— Ну вот, — сердито сказал Алёша, — ну, чего ты боишься? Сама выдумала, что страшно, и сама боишься. Никуда твоя мама не денется... придёт. Не плачь.

— А я. . . я не плачу, — всхлипнула девочка, — это я просто так, нечаянно. . . А тебя как зовут?

— Алёша.

— А меня Лена.

— А ты слышала, как дома разговаривают?

— Нет, — Лена быстро вытерла слёзы. — А ты слышал? Правда? Ой, расскажи, ну пожалуйста!

— А ты не будешь плакать?

— Не-е, — Лена замотала головой и всхлипнула уже в самый последний раз.

— Вот дом такой стоит, — сказал Алёша, — весь, весь поцарапанный, нарисованный на стенках. Мы думаем, что он каменный, а он нет. . . Он говорит тихо, тихо, только одни маляры слышат, потому что они доминые доктора:

«Помогите мне, я больной, потому что есть люди нехорошие и не жалеют меня. Себя не царапают, а меня царапают, и мне больно».

— Я никогда не царапаю стенки, — сказала Лена.

— Ну да, все девчонки царапают. Я видел. Человечков рисуют. Меня одна девчонка нарисовала, я ей так дал, что за нею «Скорая помощь» приехала.

— Я знаю, — обрадовалась Лена. — Когда я ногу сломала, за мной тоже «Скорая помощь» приезжала. На ней ещё красный крест нарисованный.

— Это если человек. А я настоящую техническую «Скорую помощь» видел. Это когда машина заболит. Я теперь знаю. Машины тоже, как люди, живут. У них даже свой дом есть. Автопарк называется. Я, когда вырасту, буду геологом, маляром и ещё шофёром на технической помощи работать.

— Разве можно так? — недоверчиво спросила мальчика Лена.

— Ещё как! — убеждённо сказал Алёша. — Геологи железо в лесу ищут, маляры дома лечат, а шофёры на машинах ездят. Вот не полечит маляр дом, он совсем заболит и умрёт. Где тогда люди жить будут? А если шофёр не привезёт маляру краску и мел, чем он тогда дом лечить будет?

— И я тогда буду геологом и маляром, — сказала Лена.

— Ну да... девчонки геологами не бывают!

— Нет бывают! У меня тётя геолог. Не веришь? Правду говорю! Она мне целую кучу разных камешков привезла, только я их все в детском саду раздарила.

— Подумаешь, камешки... настоящие геологи всегда с компасом ходят. Мне папа целый компас подарил, я по нему даже в парк Победы пришёл. Сам!

— В парк Победы? Ой, мы там с мамой один раз были, а теперь ещё поедem, когда у меня нога совсем зарастётся.

— А чего вам туда ехать? Вот же он! — засмеялся Алёша. — Два шага пройти не могут.

— Два шага? Ты что?! Парк Победы знаешь как далеко? Совсем в другом конце города!

— Как в другом конце города?! А это тогда что?

— Это? Это просто так... садик, и всё... Мы здесь всегда гуляем. Ой! Мамочка-а-а!

Ленина мама поставила на скамейку сумку с продуктами и подхватила Лену на руки.

— Ты не плакала?

— Не-е... со мной Алёша сидел, чтобы я не боялась. Он хороший, мама, он геологом будет, и маляром, и шофёром.

— Вот как? — засмеялась мама и погладила Алёшу по голове. — Спасибо тебе, Алёша, я очень волновалась.

Алёша сидел на скамейке, низко опустив голову. Он не слышал, что говорили Лена и её мама. Он с трудом сдерживал слёзы. Только бы не расплакаться, только бы не расплакаться... Как же так, ведь он всё время шёл точно по компасу, и компас сам привёл его сюда... Что же теперь делать?

Парк Победы совсем в другом конце города. На улице совсем ночь, а дома, наверное, папа с мамой ищут его... Что же теперь делать?

— Пойдём скорее домой, девочка, — сказала Ленина мама, — уже десять часов — тебе давно пора спать.

— Мама, пусть Алёша тоже с нами пойдёт, — сказала Лена, — я ему мои игрушки покажу. Пойдёшь, Алёша?

— Поздно уже, девочка, Алёшу мама дома ждёт, правда, Алёша? Ты в каком доме живёшь?

— В нашем, — сказал Алёша.

— Конечно, в вашем, — засмеялась Ленина мама. — А улица какая?

Алёша хотел назвать свою улицу и... не смог. Название улицы словно выскочило у него из головы.

— Я... Я забыл, — тихо сказал Алёша, — далеко. . .

— А с кем ты сюда пришёл? — уже серьёзно спросила Ленина мама и села рядом с Алёшей на скамейку.

— Один, — Алёша отвернулся и тихо всхлипнул,

— И мама твоя не знает, что ты здесь?

— Нет.

— Что же делать? Представляю, как она волнуется! Алёшенька, милый, ну постарайся вспомнить свою улицу...

— Я... я всё время знал, знал, а сейчас забыл, — прошептал Алёша сквозь слёзы.

Ленина мама поднялась и заходила вдоль скамейки, нервно хрустя пальцами.

Возле них начали собираться люди. Странное дело, то никого не было, а тут как будто все сразу узнали, что заблудился мальчик.

Пришли две похожие друг на друга старушки, и ещё какие-то женщины, и даже один мужчина в форме железнодорожника.

— Надо отвести его домой, — сказала одна из старушек с таким видом, словно, кроме неё, это никому не могло прийти в голову.

— Вот именно, — сказала другая, — какие-то странные теперь дети пошли. Ходят сами куда хотят.

Они были так похожи друг на друга, что Алёша даже не понял, какая из них что сказала.

— Но если он не помнит ни названия улицы, на которой живёт, ни дороги? — сказала Ленина мама. — Алёшенька, я думаю, тебе следует пойти к нам, а завтра с утра мы с тобой будем ходить по улицам и искать. Ведь ты же узнаешь свой дом, правда?

— Узнаю, — сказал Алёша, а Лена радостно захлопала в ладоши.

— Я тебе все свои игрушки покажу и подарю, что хочешь!

— Нет, — сказал железнодорожник, — так не пойдёт.

Его мать до утра с ума сойдёт... Надо попытаться узнать, где он живёт. Я в этом районе родился и многих знаю. Скажи, Алексей, кто в твоём доме живёт?

Алёша вытер слёзы и удивлённо посмотрел на железнодорожника.

— Как живёт? У нас много людей живёт!

— Кого-нибудь из них ты можешь назвать по фамилии?

Алёша задумался.

Кто же у них такой известный, чтобы его другие люди знали? Ну, конечно, тётя Лида — дворник. Её все знают.

— Тётя Лида Егорова!

Железнодорожник покачал головой.

— Нет. Такую не знаю.

— Ну как же, как же, — заволновался Алёша, — её же все в нашем доме знают!

— Всё равно не знаю.

— Ну, тогда дядя Петя Быстров. У него ещё красный мотоцикл и собака Ларга...

— И этого не знаю... Ты попробуй ещё кого-нибудь назови...

— Больше я никого не знаю, — сказал Алёша грустно.

— Да-а, — разочарованно протянул железнодорожник, — ничего у нас не вышло... А твоя-то как фамилия?

— Максимов...

— Максимов, Максимов... А маму твою как зовут?

— Лидия Петровна моя мама. Только её никто не знает. Она и во двор-то никогда не выходит. Целые дни то на работе, то дома обед варит или стирает, — вздохнул Алёша.

— Подожди, подожди, парень, уж не на Механическом ли заводе твоя мама работает?

— Ага! — обрадовался Алёша. — Я там один раз был.

— Эх ты! — засмеялся железнодорожник. — Всех знаешь, кроме своей мамы, а портрет её, между прочим, на Доске почёта у райсовета висит, понял? Ну вот, товарищи, и выяснили. На Верейской улице Алёша живёт.

— Правда, правда! — закричал Алёша. — Я вспомнил! Верейская мою улицу зовут! Я на ней живу!

— Вот и чудесно! — засмеялась Ленина мама, и все вокруг засмеялись и стали наперебой гладить Алёшу по голове, даже старушки, как будто он сделал им что-то хорошее.

Железнодорожник крепко взял Алёшу за руку.

— Пойдём, бегун, а то мама твоя уже места себе, наверное, найти не может. Шутка ли?

— Алёша, ещё к нам приходи, — сказала Лена, — про дома, которые разговаривают, расскажи... Придёшь, Алёша?

— Приду! — крикнул Алёша.

Железнодорожник шёл очень быстро, и Алёша изо всех сил старался не отставать от него.

Он совсем не чувствовал усталости, потому что теперь он шёл домой, а дома его ждала мама.

«Интересно как получается, — подумал Алёша, — про дядю Петю все знают, весь двор его собаки боится, а этот дяденька железнодорожник про него даже и не слышал, а вот маму знает!»

— Дядя, — спросил Алёша, — а почему вы про мою маму знаете?

— Потому что твоя мама не только твоя мама, но ещё и человек хороший, настоящий работник, понятно?

— Ага, — сказал Алёша, — я свою маму тоже крепко люблю.

— Не верю. Если бы любил, не убегал бы из дому, не заставлял бы свою мать волноваться.

— Я не убегал вовсе, — сказал Алёша, — это компас, наверное, плохой попался. Дяденька, а какие бывают на свете самые лучшие компасы?

— Компас? А ну, покажи...

Алёша протянул ему компас.

— Твой компас и есть самый лучший. Лучше не бывает.

— Да-а, а почему он тогда меня в парк Победы не привёл? Значит, он не совсем хороший.

Железнодорожник засмеялся, потом положил Алёше руку на плечо.

— Компас — это маленькая машина, Алексей, — сказал он очень серьёзно, — а чтобы управлять даже самой маленькой машиной, нужно много знать. Без знаний даже с компасом можно заблудиться, понятно? Ты в школе учишься?

— Ага, — гордо сказал Алёша, — я уже целую неделю в первый класс проходил!

— Это хорошо, — сказал железнодорожник. — Вот в школе тебя и научат, как с компасом надо обращаться. Да и не только этому. Человеку много знаний надо.

... Во всех окнах Алёшиного дома ярко горели огни. У ворот толпились почти все жильцы дома, даже те, кто только недавно переехал. Все они громко разговаривали и размахивали друг перед другом руками.

Ребята тоже были здесь.

И Жёня с Вовкой тоже были.

— Мама! — закричал Алёша ещё издали. — Мамочка!

Он даже не заметил, как очутился в маминых руках. Кто-то пытался оторвать его от мамы, кто-то сердито говорил папиным голосом, но мама не отпускала Алёшу.

— Как же так... как же так... Спасибо вам, спасибо... — шептала она и всё гладила и гладила Алёшину спину, голову и оцупывала ноги, словно проверяла, целы ли они.

— Мамочка, — сказал Алёша, — я теперь про тебя всё, всё знаю. Ты... ты не просто мама. Ты... твой портрет на Доске почёта...

— Ну ладно, ладно, — сказала мама и опустила Алёшу на землю, — пойдём скорее домой.

— Мамочка, я сейчас... я быстро...

— А мы себе в парке Победы были и ничего не знали, — сказал Вовка, — а потом приехали и узнали, что ты пропал.

— Да, — сказала Жёня, — мы тебя везде искали, искали.

— Я вовсе и не пропал, — сказал Алёша, — я по компасу ходил, вас искал.

— По компасу? Покажи! Где ты взял?

— Папа подарил.

— Дай поиграть, — сказала Женья, — я тихонечко.

— Эх ты, поиграть! Компас — это маленькая машина. Пойдёшь в школу, тогда и узнаешь, для чего компас нужен.

— Алёшенька, пойдём скорее, — позвала мама.

— Сейчас! — крикнул Алёша. — Ребята, я вам завтра про всё-всё расскажу... и про компас, и про дома, и про машины, и про одного дедушку. У него знаете сколько орденов? Во! — Алёша широко развёл в стороны руками. — Вся грудь увешана! Про всё-всё!

И он побежал домой, крепко сжимая в кулаке компас.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Находка	5
2. Куда все подевались?	6
3. Компас, конечно, штука хорошая, но думать тоже надо	8
4. Боба	12
5. Домá умываются	16
6. В чужих руках и огонь не жжёт...	20
7. Техпомо...	27
8. Самокат, на котором почему-то расхотелось ка- таться	38
9. Захочешь — не испугаешься	45
10. Я живу в нашем доме	51

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Браун Жанна Александровна

КОМПАС

Ответственный редактор

Н. Л. Страшкова.

Консультант по художественному
оформлению *Ю. Н. Киселев.*

Технический редактор

Л. Б. Леонтьева.

Корректоры *Л. К. Малаяко*

и *К. Д. Немковская.*

Подписано к набору 5/X 1964 г.

Подписано к печати 29/I 1965 г.

Формат 70 × 90^{1/16}.

Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 2,865.

Тираж 100 000 экз. ТП 1965 № 207.

Ленинградское отделение издательства
«Детская литература». Ленинград, наб.
Кутузова, 6. Заказ № 467. Цена 10 коп.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглав-
полиграфпрома Государственного коми-
тета Совета Министров РСФСР по печати.
Ленинград, 2-я Советская, 7.

